

“Признаюсь, — пишет Вертинский в своих воспоминаниях, — много пудов соли скормили мне по чайной ложечке столь нежно вспоминаемые мной женщины. Много мук, крови и слез стоили мне они. Но... без женщин жизнь моя была бы пресна и безвкусна, как гороховый кисель...”

Как только речь заходит о любви, нет мочи читать. Куда исчезает знаменитая вертинская самоирония, легкость слога и шаловливость мысли? Перо приравнивается к штыку, а бывшие возлюбленные образуют кровавый шашлык. Мое типичное женское сердце начинает конвульсировать при повествовании о жадных балеринах Маруськах, менявших любовь юного гения на одеклон, о непостоянных бездарных актрисках, игравших чувствами, как в цирке булавами, об авантюристках-разорительницах, которые, конечно же, любили не его, великого и прекрасного А.Н.В., а лишь его огромную славу и скромный гонорар.

“Помню, я был влюблен в одну девушку-медику. Звали ее Кэт. Она была стройная, зеленоглазая, и брови у нее были похожи на крылья ласточки. Помню, что жила она на Ирининской улице, где-то на шестом этаже большого дома. Долго продолжался наш поэтически-платонический роман, потом как-то оборвался сам собой. Через тридцать лет, когда я, объехав весь свет, вернулся на родину, однажды в одном городке ко мне за кулисы перед концертом зашла крупная суровая черная женщина с усам.

— Вы не помните меня? — спросила она.

— Нет! — чистосердечно признался я.

— Меня зовут Кэт. Помните? Я — Кэт!

— Какая Кэт? — спросил я.

Вместо продолжения разговора эта дама вынула из сумочки мою маленькую уличную моментальную фотографию тех времен, в широкополой испанской шляпе, где было написано: “Черной ласточке, зеленоглазой Кэт от ее вечного раба” и т.д. Я вспомнил... и мне стало бесконечно грустно.

— Я старший хирург местного госпиталя! — с достоинством сказала она.

И я представил себе, как безжалостно она кромсает человеческое тело.

— Зачем вы пришли сюда? — спросил я. — Вы бы навеки остались у меня в сердце “черной ласточкой”. А теперь вы убили “черную ласточку” моей юности навсегда.

Да... у женщин не всегда хватает ума и такта в таких вещах! И даже, кажется, жена его не любила. А просто взяла и, невзирая на богемные шутки и тонкости непонятой страдающей души, женила на себе. В воспоминаниях Вертинского об этом нет и полслова.

Как юная скромная Лидия смогла обаять, пленить Вертинского и привести его под венец? Как отважилась? За ответом на этот вопрос я отправилась на дачу к Вертинским, чтоб спросить об этом лично Лидию Владимировну.

История с Кэт — детские шалости по сравнению с тем, как Вертинский отделяет главную лав стори — свой непродолжительный роман с актрисой Валентиной Саниной.

“На высоком табурете у стойки сидела молодая красивая женщина.

— Познакомьтесь, — сказал он, — Валентина Санина.

На меня медленно глянули безмятежно спокойные, огромные голубые глаза с длинными ресницами, и узкая, редкой красоты рука с длинными пальцами протянулась ко мне. Она была очень эффектна, эта женщина. Ее голова была точно в тяжелой золотой короне. У нее были чуть раскосые скулы, красиво изогнутый, немножко иронический рот.

Кроме того, она еще была очень похожа на пушистую ангорскую кошку. Санина лениво тянула через соломинку какой-то гренадин и спокойно разглядывала меня, как змея кролика, перед тем как проглотить.

Я понял, что погиб, но сдаваться без боя не собирался. Так же спокойно я разглядывал ее. На ней было черное, глухое, до горла закрытое платье, а на шее висел на ленточке белый хрустальный крест.

Так началась “история моей болезни”.

Придя домой, я записал: **Надо жить потише, повнимательней, Перечитывая книгу вновь и вновь, И поплакать тоже обязательно Над страницей, где написано: “Любовь”...**

Я пел концерты и ухаживал за Валентиной. В свободные от концертов вечера ходил в ее театр смотреть, как она играет, хотя роли у нее были маленькие.

Она была то резка со мной, то очень ласкова и после дикой ссоры вдруг сама приходила ко мне в “Астраханку” просить прощения.

— С чего это вы, — подозрительно осведомлялся я, — такую кротость на себя напустили?

Она делала мученическое лицо, низко, по-монашески, кланялась в пояс и говорила:

— Сегодня прощенное воскресенье. Надо просить у всех прощения. Простите, Христа ради, если чем обидела.

И хохотала как сумасшедшая. — Бог простит, матушка, — говорил я.

Это она играла — “для практики”.

Иногда “для практики” она начинала что-нибудь мне рассказывать. Потом говорила взволнованным, можно даже сказать, испуганным голосом:

— Вы знаете, Вертиша, со мной сегодня был такой ужас! Такой ужас!.. Я сижу на бульваре на скамейке и смотрю на клумбу — помните ее? Против нашего театра? Ну вот. Сажу, учу роль, и вдруг... — тут зрачки ее глаз расширяются, руки вжимаются в грудь, она дрожит, будто до сих пор не может успокоиться, — вдруг чувствую, что на меня опускается какая-то огромная черная тень... Вы понимаете? Страшная, зловещая тень! И я ощущаю, что это что-то неиз-

бежное и роковое... Понимаете? Я хочу вскочить, убежать и вся холодею, не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой, меня словно приковало к скамейке... Я дико вскрикиваю, в ужасе закрываю лицо руками и...

— И что же это было? — на смерть перепуганный, спрашиваю я.

— Это был... это был... каштановый лист!

— Фу!.. Слава Богу! — я вытираю со лба холодный пот. — Хорошо, что не балкон...

Валентина окидывает меня сожающим взглядом:

— Вы удивительно нечутки, — говорит она холодно, отворачиваясь. — И черт знает, почему вас считают поэтом и певцом женской души. Чурбан какой-то!

Все окончилось так нормально, Так логичен и прост конец: Вы сказали, что нынче в спальню Не приноят разбитых сердец.

“Чурбан” оказался удивительно чувствителен.

Много-много лет спустя после их кратковременного романа в 1918 году Вертинский посвятил Валентине Саниной стихотворение “Мыши”. Удивительно желчное, беспощадное и унижительное:

Мыши съели Ваши письма и записки. Как забвенны “незабвенные” слова! Как Вы были мне когда-то близки! Как от вас кружилась голова!.. Где теперь вы вянете, старея? Годы ловят женщин в сеть морщин. Так в стакане вянет орхидея, Если в воду ей не бросить аспирина. Хорошо, что вы не здесь, в Союзе. Что б Вы делали у нас теперь, когда Наши женщины не вампы, не медузы, А разумно кончившие вузы Воины науки и труда! И живем мы так, чтоб не краснее Наши дети вспоминали нас. Впрочем, вы бездетны. И грустнее Что же может быть для женщины сейчас? Скоро полночь. Звучи в доме тише, Но знакомый шорох узнаю. Это где-то доедают мыши Ваши письма — молодость мою.

В апреле 49-го года в Москве Вертинский, красный артист, женатый человек, отец двух дочерей, вполне довольный внешне своим домом и семьей, ночью вспоминает тридцатилетнюю любовь и все никак не может успокоиться.

А что же Валентина Санина, где она “вянет, старея”? Не знать этого Вертинский не мог! В 49-м году Валентина Санина — звезда Бродвея!

Что это, зависть к чужому успеху, ревность к чужой жене? Когда 50 лет позади, когда есть собственные дети, пинать далекую бесплодную женщину уж очень неблагородно. Или страсть вообще не терпит благородства?

Сразу после разрыва с Вертинским Валентина вышла замуж за театрального импресарио Георгия Матвеевича Шлея.

Они вместе уезжают в Париж, где Валентина Санина выступает в знаменитом кабаре “Летучая мышь”, а в двадцать третьем году перебираются в Америку. Судьба, кажется, вытягивает для

Валентины счастливый билет: Джордж Шлей становится известнейшим импресарио на Бродвее, распахиваются все двери американского высшего общества, они снимают квартиру в Ист-Сайде, а лучшей подругой Валентины Саниной теперь не кто иной, как Грета Гарбо.

В 28-м году Валентина становится знаменитой и сама по себе. С помощью мужа и друзей она открывает дом моды “Валентина”. Платья от “Валентины” безумно дорогие и безумно модные. Бродвей и Голливуд выстраиваются в очередь к ее ателье.

Успех к Валентине приходит во многом благодаря Грете Гарбо. Грета и Валентина. Обе ровесницы, обе красавицы, обе в одинаковых платьях.

Вертинский, приехавший на гастроли в Америку в 35-м году, не мог не знать о триумфе Валентины, но не оставил о ней никаких записей в своих американских воспоминаниях. Наверное, слишком болезненным для самолюбия оказался взлет бывшей возлюбленной. Он — русский эмигрант, она — американская звезда.

Но судьба-коварница настгла и отомстила. В доме в Ист-Сайде в соседней квартире живет Грета Гарбо, и к ней, не таясь, ходит Валентинин муж. На бумаге Георгий Шлей — муж Валентины Саниной, в миру — Греты Гарбо. До смерти Джорджа, до 71-го года, они связаны одним и тем же мужчиной. Валентина умерла в 89-м году, Грета — в 90-м!

Эту потрясающую историю рассказывает в своей книге “Красота в изгнании”, которая выйдет в свет в Москве осенью, известный историк моды Александр Васильев.

По признанию Анастасии Вертинской, отец долго страдал от коварства Валентины. Видимо, всему виной ее холодная душа — она играла в любовь, но полюбить так и не смогла.

Любила ли Валентина Георгия Шлея? Возможно. Страдала ли она от измен? Вне всякого сомнения!

Итак, в Москве Вертинский активно выступает, ездит на гастроли, пишет жене удивительно трогательные хозяйственные письма, все время что-то покупает для дома, интересуется

шубками и пальтишками для девочек, а в душе его по-прежнему все тот же богемный демон страстей.

Что за смирение Бог уготовал женщине, которая взяла на себя такую ношу быть женой Вертинского? Всегда быть рядом, утешать, помогать, поддерживать и, когда необходимо, незаметно уходить в тень. Не с этим ли испытанием не справилась первая жена? Не страшно ли было юной красавице выходить замуж за знаменитого амбициозного человека? И не только “выйти”, а удержаться, спасти, склеить, сохранить вечный союз? Вот о чем я мечтала спросить Лидию Владимировну.

В 24-м году в Берлине Вертинский женился на юной, красивой и капризной еврейской девушке Рахиле, которую почему-то всегда называл Ирена:

Я безумно боюсь золотистого плена Ваших медно-зменных волос. Я влюблен в ваше тонкое имя — Ирена И в следы ваших слез, ваших слез...

Это, видимо, о ней. Но в воспоминаниях — больше ни слова. Только в 30-м году “Песенка о моей жене”:

И скажу с улыбкой жалкой и заученной: “Здравствуй, чиженька, единственный и мой!

Ничего, что я усталый и замученный, Одиноким, позабытым и больным. Ты не плачь, не плачь, моя красавица, Ты не плачь, женулька-жена! Наша жизнь уж больше не поправится, Но зато ведь в ней была весна!...”

А дальше — тишина. В посвящениях стихов мерещатся инициалы, вытекают иногда в мемуарах какие-то смутные женские силуэты — рассказы о капризных, эгоистичных, жадных до денег любовницах. А об Ирене, жене, с которой прожито ни много ни мало шесть лет, совсем ничего. Неужели снова так глупо, всему виной ее холодная душа — она играла в любовь, но полюбить так и не смогла.

Их пути разошлись, брак аннулировали через суд уже в Шанхае в 1940 году, когда Вертинский встретил ее, главную женщину своей жизни — Лидию, Лиличку, Пекочку.

Она у меня как иконка — Навсегда. Навсегда. И похожа она на орленка, Выпавшего из гнезда...

Ее не удержишь в клетке, И ей ей сказал: “Лети! Твои непокорные предки Тебя спасут в пути”. Но в жизнь мою сонно-пустую Она спокойно вошла, Души моей книгу злую Она до конца прочла... Я понял. За все мученья, За то, что искал и ждал, — Как белую птицу Спасенья Господь ее мне послал...

На старой фотографии немолодой мужчина в белом смокинге и ослепительно красивая, с огромными восточными глазами юная женщина. История их любви началась, когда 17-летняя красавица сама пришла к артисту за кулисы и просто, как пушкинская Татьяна, сделала выбор: “Ты — мой!”

Онегин, помнится, в подобной ситуации растерялся, запаниковал, все скомкал и постыдно ретировался. Но тот был молод и неопытен. За плечами у Вертинского — 50 лет странствий, песен о любви, ироничных и открытых, правдивых и не очень, 50 лет поиска и разочарований. Она — провинциальная барышня, дочь советского служащего Восточно-Китайской железной дороги, он — подуставший светский соловей.

Соперницы Ты и Дама. Слышишь, девочка, — Ты и Дама! Но она верней, эта Дама, Что уходит в мир без огня. Вот придет. Постучит осторожно. Ласково спросит: “Можно?” Уведет меня осторожно, Чтоб разлуку с тобой облегчить. Ну а разве ты поручишься, Что ты придешь, поступишься? Ты ведь маленькая, — ты побойшься С этой дамой меня разлучить!

Вертинский все еще кокетничает, пугает смертью с кошачьей повадкой. Но не оценить роскоши такого предложения пожилой эстет не мог. Циничная крепость страдания, позерства и самоупоения пала к ногам девичьей невинности. Он расстался с любовницей, развелся с бывшей женой, выкупил из ломбарда свой фрак. Она сшила белое платье. Венчание состоялось в православном соборе в Шанхае. Невесте Лидии Владимировне было всего 19 лет.

“Появляется жених с веточкой флёр д’оранжа в петлице — одобрительный шелест в толпе: элгантен, прекрасно держится. Наверху, под куполом, звучат голоса хора, приветствующие появление невесты (“Гряди, гряди, голубица!”), и снова шелест, теперь восхищенный, — хороша собой невеста. Шелест возобновляется, когда венчающиеся идут к атласному коврику: кто первый ступит? (Примета: ступивший первым будет главенствовать в семье.) И вот молодые (а шаферы с венцами следом) идут вокруг аналоя. На улице день, а мог быть и вечер, дневной свет едва проникает сквозь цветные стекла окон, к тому же церковью ярко освещена сотнями колеблющихся огоньков свечей... Тепло, душно от человеческого дыхания, от запахов воска, ладана, кадильного курения, и рядом с собой я слышу вспливание — молодая женщина в темном шелковом платочке на голове... Она сама мечтала о таком дне, чтобы фата и белое платье, и рядом Он, и благословляющая рука священника, и атласный коврик, и венцы, и ничего этого нет и не будет”. Наталья Ильина. “Дороги и судьбы”.

Как юная, полная сил девушка решается посвятить свою судьбу старшему мужчине? Откуда у нее, совсем юной, такая уверенность, убежденность выбора? Вопрос, на который у меня нет ответа.

За ответом я отправилась на дачу Вертинских. Дикий английский сад, маленький домик, построенный еще при Александре Николаевиче, старый зеленый забор... Меня не пустили дальше калитки.

— Мама плохо себя чувствует. Мама пишет воспоминания, — сказала мне Марианна Вертинская.

Вопрос остался без ответа. Лидия Владимировна родила двух прекрасных дочерей, училась в институте, снималась в кино, рисовала картины. Она осталась вдовой в 34 года. И больше никогда не выходила замуж. — Я не шекспировская Гертруда из “Гамлета”, — сказала она в телеинтервью Эльдару Рязанову.

